

Катерина Траум

ГОСПОДИН ПРОКУРОР

Катерина Траум

ГОСПОДИН ПРОКУРОР

Дисклеймер:

Сеттинг романа псевдоисторический и подразумевает несколько значительных художественных допущений в истории реальной Англии 1920-х. Особенно это касается законов и системы права, которая полностью выдумана автором.

ПЛЕЙЛИСТ

1. Тешо — «Голоса»
2. Imagine Dragons — «Bad Liar»
3. Лера Яскевич — «Хороший доктор»
4. The Score — «Enemies»
5. «Та Сторона» — «Поломанные»
6. Ivanitskaya — «Засыпай»
7. Николай Носков — «Это здорово»
8. «Вельвет» — «Продавец кукол»
9. Para Roach — «Scars» (кавер Ai Mori)
10. Katy Perry — «Hot n Cold» (кавер Ai Mori)
11. Imagine Dragons, JID, Arcane, League of Legends — «Enemy»
12. Максим Фадеев — «Выживший»
13. Thousand Foot Krutch — «Welcome to the Masquerade»

*Твой каждый шаг — преодоление,
Терновый путь живого мертвеца.
А каждый взгляд — как обвинение
И приговор жестокого жнеца.*

*Позволь мне эту боль заговорить,
Унять агонию напевами из детства.
Твоим хорошим доктором побыть,
В твоих руках найти для себя место.*

*Не станешь ты слабее для меня,
Открыто показав свою борьбу.
И пусть для всех крепка твоя броня,
Сломать ее я все равно смогу.*

*Принадлежу тебе по доброй воле,
Ты сердца бог и тела господин.
И за всю жизнь я не была свободней,
Чем средь души твоей обугленных руин.*

*Танцуй со мной, веди меня в фокстроте,
Забудь быллые раны и живи.
Ты больше не палач на эшафоте,
А я твоя мелодия любви.*

*Я буду рядом, сколько ты ни прогоняй,
Хранить покой и отводить все грозы,
Гореть с тобой и строить вместе рай,
На сизом пепле возвращая розы.*

ГЛАВА 1

РЫНОК

— ЗУБЫ.

— Господи боже, это так обя...

— Зубы! — рявкнула старуха и бесцеремонно надавила на и без того дрожащий подбородок Пейдж, заставив ее открыть рот. — Ишь цаца какая! Одевайся!

Нервно отшатнувшись от воняющей карболкой вредной карги, девушка как можно незаметнее шмыгнула носом и поспешила подхватить со стула свою одежду. Пальцы заledenели от весенней прохлады и плохо гнулись: никому бы и в голову не пришло подумать об отоплении для невольничьего рынка. Десятки раз залатанная шерстяная юбка быстро прикрывала острые коленки.

Старуха, призванная осматривать товар, поступающий в распоряжение Пи-Джея, или просто Гнилого Пи, насмешливо наблюдала, как Пейдж торопливо натягивала на себя застиранную до неприличия блузку и заправляла за оттопыренные краснеющие уши непослушные рыжевато-каштановые кудри, обрезанные по плечи.

— Не попрашайка, — прошамкала старуха, будто задумавшись. — Да и для гулящей больно чистенькая. Тельце не пользованное, молодое, без язв.

Ужель матушка Матильда перестала таким работенку давать при красных фонарях?

— Я не проститутка, — с трудом сдерживая подогревающую вены злость, прошипела Пейдж и накинута на плечи потертое тесное пальтишко, купленное так давно, что она успела из него вырасти.

— Ага, ага, — еще более ехидно хохотнула карга и прикрикнула погромче: — Пи-Джей! Принимай! Все чисто, здоровая кобылка.

Облегченно выдохнув, Пейдж поспешила выйти из-за хлипкой тканевой ширмы. Рынок Энфорта представлял собой большую просторную площадь, расположенную под деревянным навесом и продуваемую со всех сторон: ветер тут же лизнул прикрытые чулками тощие лодыжки и затрепал подол. Под подошвами хлюпала весенняя грязь, затекая в дырявые ботинки. Вдоль левой стороны навеса тянулись длинные лавки, на которые отправлялись ожидающие продажи рабы: что-то вроде витрины, если бы речь шла об обычном магазине. Рядом с лавками за столами велись покупки и заключались контракты, и от нескончаемых разговоров и торгов за людские души шум стоял внушительный. Невыносимо воняло немытыми телами, потом, перегаром, дымом дешевых сигарет и мочой.

Пейдж казалось, что она уже пережила самую унижительную часть собственной продажи, когда грубая старуха нагло ощупывала ее, выискивая дефекты или раны, и заглянула даже под белье. Но стоило оказаться на свету и поймать на себе сальные взгляды парочки джентльменов в рядах покупателей — и щеки вспыхнули снова. Какое счастье, что родители не дожили до столь позорного дня. А ведь

когда-то они содержали вполне приличное ателье, где отец работал портным, а мама — шляпницей. Достатка их семьи вполне хватало на образование детей и их содержание. Однако трагедия четырехлетней давности сильно подкосила физическое и моральное здоровье Шимуса Эванса. В итоге он и сам не заметил, как конкуренты разорили его тихий бизнес до последней нитки. Впрочем, лишившись рассудка после потери жены, в последние свои годы он вообще мало что замечал.

И все же Пейдж стыдилась даже находиться здесь, а тем более смотреть, как за потертым низеньким столом составлялся ее контракт. Самый ушлый работороговец города, лысоватый кругленький Гнилой Пи, активно спорил с ее сидевшим напротив братом, Гейлом Эвансом, которого неслабо трясло от волнения.

— ...Говорю тебе, парень, ты зря уперся! Ну кому сдалась здоровая молодая девка, но с такими ограничениями?! На этих условиях я не дам за нее больше двадцатки, и не проси!

— Нет! — отрезал Гейл, и его ладонь на столе сжалась в кулак. — Ничего телесного, ни наказаний, ни... услуг. Точка.

Пи-Джей протестующе запыхтел и все-таки взял перьевую авторучку пухлыми пальцами-сардельками и вписал в стандартный формуляр новые строчки. Казалось, он физически ощущал уплывающую от него выгоду, но все нюансы между Эвансами были давно оговорены. Работороговец же недовольтно кряхтел:

— Да какой от нее тогда толк-то, она просто повиснет на мне, как мешок с...

— Я грамотна, — решилась вмешаться сама Пейдж, выступив вперед и встав рядом с братом. Успокаивающе положила руку ему на плечо и мягко стиснула, как бы говоря, что все в порядке. — Запишите там: есть опыт работы машинисткой в редакции газеты. Окончила женскую гимназию мадам Уимблдон.

Гнилой Пи поднял на нее недоумевающий взгляд и задрал бровь: «серьезно»? Его неверие легко читалось в крысиных глазках — еще бы, нечасто бывшие гимназистки оказывались на скамье для рабов. Для обычного контингента рынка, состоявшего из бродяг, проституток и гладиаторов для арены, мисс Эванс и впрямь была чересчур чистенькой.

— Сифозная, что ли? Или насмерть болезненная? — подозрительно прищурился Пи-Джей, и ручка замерла над бумагой, но Пейдж отрицательно мотнула головой на такие гнусные предположения. — Ладно, смотри мне: вернут с жалобой, сама будешь объясняться. Так, национальность... еврейка, ага?

— Только по матери, — пробормотал Гейл, по-прежнему слепо буравя взглядом столешницу и собственный кулак.

Конечно, ему было тошно от всего происходящего. Но иного способа достать из воздуха деньги на лечение его годовалой дочки попросту не найти, никакие ростовщики давно с ними не связывались. У Пейдж сдавило грудь при одной мысли о малышке Сью, жизнь которой висела на волоске только из-за того, что у ее родителей не было достаточной суммы на врачей и лекарства.

Естественно, Гейл сначала собирался продать себя самого, но это фатальная глупость: его работа на консервной фабрике хоть как-то тянула семью, а зарплаты жалкой машинистки в местной газетенке на это бы ни за что не хватило. Выбор очевиден, ведь без матери, Дженны, крошке Сью тоже пока было не обойтись.

Что такое год жизни, если за него можно купить здоровье ребенка? Вот именно: мелочь. Жаль, что не удалось найти покупателя через знакомых и пришлось идти на рынок. Тут от посягательств спастись сложнее.

Пи-Джей закончил заполнять контракт и не без пренебрежения протянул бумагу Гейлу:

— Ну смотри, парень: я предлагал больше. Или увеличивай срок, или убирай ограничения. Ее, мож, и возьмут куда-нибудь сиделкой или драить в больнице ночные горшки... а могла бы принести тебе неплохие деньги! Девка-то ничего, хоть и лопоухая да конопатая шибко...

— Двадцати тысяч нам вполне достаточно, — сухо отозвался Гейл, внимательно вчитываясь в бумагу. Но спустя пару секунд тяжело вздохнул и отдал документ самой Пейдж. — Это твоя жизнь. И я все еще считаю это ужасной ошибкой. Мы найдем выход...

— Заткнись, — с вымученной улыбкой бросила она и принялась изучать контракт. — Мы обсудили все тысячу раз. Это только на год. Ну, значит, буду мыть ночные горшки, подумаешь.

— Работать сутками, делать любую мерзость, какую только прикажет хозяин, за еду и крышу над головой, — добавил Гейл, озвучивая обязательные

условия любого рабства, основное из которых — полное повиновение чужой воле. — Ты заслуживаешь лучшего.

— Сью заслуживает жить. Думай только об этом.

Больше не отвлекаясь на угрызания совести брата, Пейдж вчиталась в стандартные строки формуляра. В целом выглядело все прилично: четко вписан запрет на умерщвление, телесные наказания любого рода и на использование в сексуальных или репродуктивных целях. Конечно, непослушание для всех рабов каралось ссылкой в угольные шахты, но такого допускать никто не собирался. Самое худшее ей не грозило, а что ее возьмут на максимально грязную работенку, для которой не нашлось наемника, — это и без того ясно. Ради племянницы Пейдж была готова возиться с чем угодно, стать сиделкой у какой-нибудь вонючей бабки или драить общественные сортиры. Лишь бы не пристроили ухаживать за чахоточными...

Всего год. Это не так много. Срок в контракте стоял, ее фамилия и девятнадцатилетний возраст вписаны верно — чего еще тянуть? Взяв ручку, Пейдж быстро подмахнула документ и вернула его в цепкие лапки Пи-Джея. Тот бережно свернул контракт в трубочку и кивнул своему новому товару на лавку позади стола с пятью не очень привлекательного вида бродяжками, замотанными в тряпье:

— Садись. И мину попроще сделай: мне еще надо кому-нибудь тебя втюхать.

— Сначала деньги, — сверкнула огоньками мятно-зеленых глаз Пейдж, зябко кутаясь в тесное пальто.

Гнилой Пи фыркнул, но достал из ящика стола стянутые резинками пачки купюр и кинул их Гейлу:

— Двадцать тысяч, как и договаривались. А без всех этих глупых условий было бы пятьдесят. За бес-срочный — восемьдесят.

— Нам достаточно и этого.

Гейл быстро спрятал деньги за пазуху изрядно потрепанного шерстяного пиджака. Его непослушные вихры, точь-в-точь такие же, как у сестры, казалось, грустно повисли, делая скорбным обычно веселое лицо.

— Иди, — строго велела ему Пейдж, как только брат поднялся со стула. — Не теряй времени. Сю нужен врач, и как можно скорее.

— Спасибо, — прошептал Гейл, резко прижав ее к себе и стиснув в объятиях. — Веснушка, я никогда не забуду, что ты для меня сделала. Мы будем ждать тебя дома. Береги себя.

— И ты тоже, — коротко выдохнула она и спешно отстранилась.

Детское прозвище резануло изнутри и забило горло чем-то напоминающим тягучую смолу, саднящую горечью. Гейл окинул ее прощальным взглядом побитого щенка и наконец-то ушел, растворившись в толпе покупателей и других бедолаг, рвущихся продать себя за кусок хлеба и кров. Многим тут не надо было и платить: отчаявшиеся люди соглашались стать собственностью хозяев уже за такую малость, как шанс выжить.

Пейдж вдохнула поглубже, стараясь не морщиться от вони. С напускной флегматичностью она прошла к лавке и заняла место на самом краешке, подальше от остального «товара». До момента продажи ей суждено быть собственностью самого Пи-Джея, а тот не успел убрать ее контракт

в большой кованный сундук под столом и запереть его на ключ, как к нему ручейком потянулись покупатели.

— Почему кудрявая? — спросил самый нетерпеливый, высокий и крупный детина в мятой рубашке, которому Пейдж не достала бы и до плеча.

Она судорожно слотнула, ежась от тошнотворного чувства, будто одним росчерком пера превратилась в шмат свежего мяса от только что забитого оленя. И за такую аппетитную дичь надо торговаться до последнего.

— Пятьдесят, — тут же назначил цену Пи-Джей, вызвав у Пейдж волну возмущения такой наглой накруткой. — Но у нее ограничения на тело.

По толпе покупателей прошел разочарованный шепоток. Пара джентльменов даже ругнулись и отправились дальше, выскивая на общей витрине менее капризный товар. Гнилой Пи недобро покосился на Пейдж, как бы говоря: «Видишь, какая проблема для меня твоя честь?»

В течение следующих нескольких часов с вопросами о новенькой к нему подходили многие, но каждый раз, знакомясь с условиями контракта, покупатели испарялись быстрее воды в кипящем котле. Ее чистое личико без голодных кругов под ясными, непропитыми глазами привлекало общий интерес, как и буйный хаос каштановых кудрей. Но, видимо, никто из господ попросту не понимал, зачем она нужна, если только не для постельных утех. Даже парочка откровенно маньячного вида мужчин в черных кашпононах, узнав о запрете на телесные истязания, тут же удалилась. Никто не хотел нарушать чужой контракт: если для раба это ссылака в шах-

ты, то для хозяина чревато адскими штрафами или даже тюрьмой.

Под навес рынка уже просачивались закатные лучи, когда со стороны левого выхода по лавкам рабов прокатилось неожиданное волнение. Странно засуетились работорговцы за дальними столами, а к Пи-Джею подбежал чумазый цыганенок в грязной кепке-восьмиклинке. Что-то шепнул ему на ухо, за что получил пару монет. Пейдж с интересом наблюдала, как ее временный хозяин открыл сундук и вытащил оттуда несколько бумаг, в спешке сунув их за пазуху.

— Мэй! — позвал он старуху, и та выглянула из-за ширмы. — Раздай этим воды, живо. И это... миски для пайка поставь на видное место. Да чтобы с крошками, как будто только что ели.

— Опять? — гнусаво протянула Мэй. — Вот же пристал-то этот хлыщ...

— Живо, живо! — подгонял ее Пи-Джей, вытирая рукавом пиджака стол.

Но, похоже, до появления неведомого Пейдж «хлыща» успеть замолить все грехи ему было не суждено. Толпа редела и расступалась, освобождая дорогу неспешно идущему худощавому джентльмену в строгом пепельно-сером пальто. Он слегка прихрамывал, опираясь на трость с серебряным набалдашником в виде львиной головы, а под его начищенными ботинками хлюпала грязь весенних луж. Голову его венчала темно-серая шляпа трилби, а странные, немного раскосые темно-карие глаза на достаточно молодом гладком лице выдавали примесь азиатской крови, будто его бабка согрешила с китайцем.

Пейдж с любопытством наблюдала, как этот лощеный тип целенаправленно подошел к столу Гнилого Пи и окинул безразлично-холодным, но неприятно цепким взглядом лавки позади торговца.

— Доброго дня, господин коронный обвинитель, — заискивающе улыбнулся Пи-Джей, удивляя сменой тона на откровенно лебезящий. — Какими судьбами снова в наших краях?

— Я же сказал тебе в прошлый раз: буду приходить до тех пор, пока не начнешь следовать правилам, — ничего не выражающим, строго официальным, но пробирающим до мурашек из-за скрытой угрозы, глубоким голосом ответил коронный обвинитель.

Иначе сказать — прокурор высшего ранга, в чьем ведении находились самые тяжелые уголовные преступления и дела против действующей власти. Птиц такого высокого полета Пейдж встречать не доводилось, тем более занявших почетный пост в столь молодом возрасте: она бы не дала этому бесстрастному лицу больше тридцати, хотя в уголках запавших в серовато-синие круги глаз и залегли первые морщинки. Однако при послевоенном дефиците кадров резкий карьерный взлет уже не был редкостью, тем более в их провинции.

— Вам совсем незачем утруждаться, — продолжал бубнить Гнилой Пи. — Я всегда работаю по закону...

Прокурор вскинул раскрытую ладонь, одним жестом заставив его умолкнуть. И без того темные глаза стали черными провалами в ночь без единой искры, а на тщательно выбритых бледных скулах заиграли желваки. Он обошел стол и приблизился к